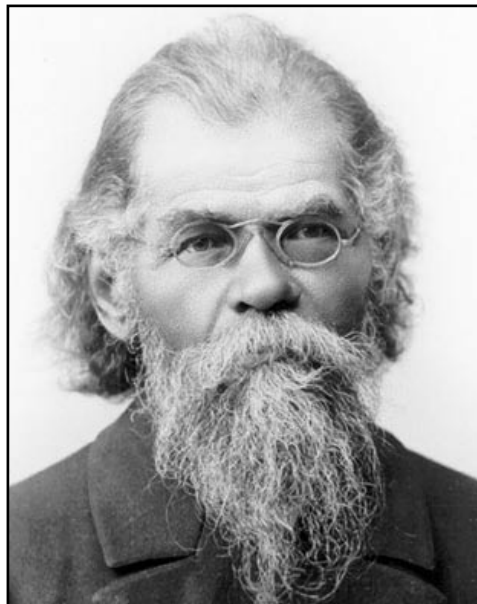

«Страницы великой жизни»: Г.Н. Потанин

Яна Абдеева,

Усть-Каменогорск,

ВКОБ им. А. С. Пушкина, отдел обслуживания читателей

*«Пусть каждая область зажжет свое солнце,
и вся земля будет иллюминирована».*

Г. Н. Потанин

...Сопровождая белого слона – подарок хивинского хана русскому царю, по зимней дикой степи ехали молодые муж и жена – казак и казачка. В пути у них родился сын, и они берегли его пуще ока, кутая в одеяла и подушки. Но случилась оплошка: ночью задремала молодая жена и выронила драгоценный сверток. Спихватилась – нет сына! Долго бежали казак и казачка в страшном смятении назад по санному следу, наконец, видят: лежит сверток в снегу, а в нем младенец спит себе богатырским сном, жив-здоров. И был этот младенец будущим великим путешественником Потаниным. Белый слон принес ему неслыханную удачу.

Примерно так большой сибирский писатель Георгий Гребенщиков пересказывает удивительную быль-легенду со слов самого Потанина. Скорее всего, это, действительно, легенда. И сам путешественник сочинил ее, питая огромную любовь к народному фольклору и, в особенности, сказкам. Кто знает...

А вот как рассказывает о судьбе отца Григория Потанина, Николая Ильича, казахстанский писатель и литературовед Павел Петрович Косенко в своей книге «Скрещенье судеб»: «Николай Ильич Потанин был, несомненно, человеком незаурядным. Несмотря на скудное образование (имя Пушкина, например, до конца дней оставалось для него пустым звуком), он имел заслуги перед наукой; командование войсками Западной Сибири поручало ему ответственные задания. В 1829 году он сопровождал в качестве начальника конвоя возвращавшееся из Петербурга посольство кокандского хана и составил точную маршрутную карту пути на Коканд. Записка Николая Ильича об этом путешествии в следующем году была опубликована в «Военном журнале» – немалая честь для захолустного казачьего офицера в небольшом чине.

Другое посольство кокандцев, которое вело в дар Ни-

колаю I слона, Потанину было поручено сопровождать до столицы. Во время экспедиций в степь Николай Ильич добирался до Ташкента, Чимкента и Сузака, вел маршрутную съемку на реке Сарысу в самом сердце Бетпакадалы.

В 1834 г. хорунжего Николая Потанина назначили начальником отряда в Баянауле (служил он у султана этого округа Шормана Кучукова, отца Мусы Шорманова, – прим. автора). В том же году он женился на дочери капитана-артиллериста Трунина Варваре Филипповне. 22 сентября 1875 года в станице Ямышевской у нее родился сын, которого назвали Григорием.

Это был год наибольшего возвышения и счастья Николая Ильича; дальше жизнь его покатила под уклон. Человек характера независимого и упрямого, чему, конечно, содействовали его служебные успехи, Потанин сумел так рассориться с непосредственным начальством, что оказался под следствием. Дело его годами лежало в суде, а сам он большую часть времени находился в тюрьме. В период одной из его отсидок умерла жена. Все наследство постепенно ушло на взятки судейским, однако, без особого толка. Впрочем, в итоге все кончилось разжалованием Николая Ильича в рядовые. Но для самолюбивого офицера, столь успешно начавшего карьеру, это оказалось страшным ударом, от которого он так и не оправился.

Маленький Гриша жил сначала у тетки Меланы, жены казачьего фельдшера, в Пресновке, потом у дяди Дмитрия в станице Семиарской. Дядя был богат, табуны его насчитывали десять тысяч голов, но ребенку жилось у него скверно: его невзлюбила дядина жена, с успехом сыгравшая для него роль злой мачехи. Когда же два года спустя дядя умер, вдова немедленно спровадила племянника восвояси.

Свежие и яркие детские впечатления от повседневного общения с казаками, от поездок в степные аулы углубились и осмыслились в пору пребывания юного Потанина в Омском кадетском корпусе. Через два года после того, как десятилетний Потанин поступил в корпус,

судьба послала ему друга, «маленького киргиза, сына атамана Чокана Валиханова».

Отец Чокана Чингиз активно содействовал сбору всевозможных сведений о казахах, в частности, сбору фольклора. Так, например, им был доставлен в Омск один из редких списков эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

Атмосфера неподдельного интереса к казахской культуре с детских лет окружала Чокана, юного друга кадета Потанина. Сблизились они не сразу. Впервые Потанин увидел своего будущего друга в омской квартире В. И. Дабшинского, переводчика при пограничном начальнике. Именно этот Дабшинский привез Чокана из отцовского аула по поручению Чингиза Валиева. Ровесникам было тогда двенадцать лет. По воспоминаниям Потанина, казахский мальчик любил рисовать карандашом; Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске: русский город поразил мальчика, и он изобразил карандашом один из городских видов. «Чокан не знал по-русски, я не знал по-киргизски. Но потом, когда он подучился по-русски, особенно, когда я...заинтересовался путешествиями и географией Киргизской степи, некоторые части которой были еще неизвестны, я стал водить знакомство с Чоканом, – свидетельствует Потанин. – С этой поры мы стали друзьями. И наши умственные интересы более не разлучались; нас обоих интересовал один и тот же предмет – Киргизская степь и Средняя Азия».

В 1852 году семнадцатилетний Потанин оканчивает корпус в чине хорунжего и направляется для прохождения службы в 8-й казачий полк в Семипалатинск. В конце 1853 года в составе 8-го казачьего полка Григорий участвует в основании крепости Верный. А в 1856 году он был переведен в Войсковое правление Омска. Именно здесь судьба сводит его с известным путешественником П. П. Семеновым-Тянь-Шанским. Это знакомство определяет его дальнейшую жизнь: в 1858 году Григорий Потанин бросает военную службу и решает продолжить образование в университете.

Получив рекомендации, он в марте 1859 года прибывает в Петербург и поступает вольнослушателем естественно-исторического отделения физико-математического факультета Санкт-петербургского университета. Здесь, в тесном кругу студентов-сибиряков – Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шишков, Ф. Н. Усов и многие другие – зародилось сибирское областничество. Возникнув как кружок студентов-единомышленников для изучения родного края – Сибири, движение приобретает общественно-политическую направленность.

В начале 1860-х годов сторонники идеи за возрождение Сибири вступают в открытую борьбу за демократические реформы в России. В октябре 1861 года Григорий Потанин за участие в студенческих волнениях был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда чуть позже, в том же году, был выслан на родину под надзор полиции.

Одну из первых своих научных экскурсий Потанин совершил летом 1862 года на Урал. А уже в 1863 году он в качестве переводчика и натуралиста экспедиции астронома К. В. Струве отправляется к устью реки Кокбекты,

впадающей в озеро Зайсан, и затем, на следующий год, в сопровождении проводника тана Тлемисова – к подножию гор Тарбагатай, к озеру Маркаколь.

«Муза дальних странствий»

«Где женщины, там успех. Нет в общественной жизни рычага могущественней, чем женщины».

Г. Н. Потанин

Где бы ни жил Потанин, в каких бы условиях ни находился, он всегда разоблачал недостатки, был одержим идеями, которые стремился воплотить в жизнь. Одной из таких была идея о необходимости женского образования, решительного вовлечения женщин в жизнь общества. Он писал: «Мне кажется, необходимо привлечь молодежь и женщин. Где женщины, там успех. Нет в общественной жизни рычага могущественней, чем женщины».

Потанин не предполагал, что эти слова можно будет отнести к нему самому. Он никогда не думал о том, чтобы обзавестись семьей, жениться. По тем временам уже старый холостяк – 39 лет. Да и когда он имел возможность обзавестись семьей? Корпус, казачье войско и военные походы, нищенская студенческая жизнь, арест, Омская тюрьма, шесть лет каторги и ссылки... «Кроме того, – пишет в своем рассказе «Сибиряк» Лев Разгон, – Потанин твердо знал, что его будущее – путешествия. Долгие, изнурительные путешествия, которые выдерживают не все мужчины, где женщинам нет места».

Но так ли это? Одна из бухт Северного Ледовитого океана – бухта Прончищевой. Она названа в честь жены командира дупель-шлюпки «Якутск» Василия Прончищева, который более 200 лет назад исследовал берега Ледовитого океана. Жена капитана была ему верной помощницей и, как и ее муж, умерла от болезни во время путешествия.

«И всего лишь несколько десятков лет назад, в 1851 году, – отмечает далее Л. Разгон, – 19-летняя Екатерина Невельская вместе со своим мужем отправилась с амурской экспедицией. Она делила с экспедицией все тяготы, проделала 1100 верст по полному бездорожью Охотского тракта. И, по утверждению участников экспедиции, стала полноправным членом экспедиционного отряда. Можно бы вспомнить и Марфу Павловну Черскую, да и других...»

Но Потанин не задумывался над этим, когда познакомился в Никольском с сестрой своего товарища, ссыльного студента Константина Лавровского. Александра Викторовна Лавровская приехала повидаться с братом из Нижнего Новгорода, где она служила классной дамой в епархиальном училище, в котором обучались дочери священников.

Александра Викторовна сама вышла из семьи священника. Немногие городские интеллигенты так знали народную жизнь, как сыновья и дочери сельских священников. Многие из них не пошли по стопам своих отцов, а ушли в литературу, публицистику, революцию. Из таких семейств вышли Чернышевский, Добролюбов... В поле-

мике с революционными демократами 60-х годов противники часто презрительно называли их «поповичами».

Патриарх русских путешественников XIX века Петр Петрович Семенов говорил, что в жизни каждого человека, а особенно путешественника, огромное значение имеет «господин Случай»...

Для Александры Лавровской этим «случаем» оказалось знакомство с товарищем брата по ссылке Григорием Николаевичем Потаниным. Что пленило ее в этом немолодом, уже немало истрепанном жизнью, недоучившемся студенте? Без образования, без профессии, без всякого будущего. Вероятно, огромный жизненный оптимизм, неудержимый интерес к людям, приверженность к науке и вера, что она может и должна помогать обществу. Лавровская же оказалась для Потанина именно тем человеком, который имел решающее значение для всей его будущей жизни путешественника. Но ни он, ни сама Александра Викторовна никогда не распространялись о своей личной жизни. И мы можем только гадать, как случилось, что после возвращения в Нижний Новгород и интенсивной переписки Александра Викторовна бросила работу, уехала из большого города в маленький захудалый городишко Вологодской губернии и там вышла замуж за ссыльного без всяких средств к жизни, который живет в какой-то нищей каморке и сам себе готовит скудный обед...

Однако это случилось, и для этой пары началась другая жизнь, поставившая их имена рядом в списке самых известных русских путешественников позапрошлого века.

Александра Викторовна любила и ценила Потанина. В ней жило чувство долга перед ним, перед наукой, к которой он ее приобщал. Но не менее сильна в ней была скромность, постоянное желание уйти в тень, затушевать все личные заслуги.

Вот почему при ее жизни о ней мало знали, для всех она – только жена знаменитого путешественника. А в действительности Александра Потанина стала первой крупной русской путешественницей. Не просто женой ученого, а самостоятельным исследователем, этнографом, фольклористкой и писательницей. История великих открытий не знает женщины, равной личности Александры Потаниной.

«Неутомимая путешественница, посвятившая все зрелые годы своей жизни странствиям по Сибири, Монголии, Тибету, Китаю, она оставила по себе неизгладимую память в истории землеведения Азии», – писал о ней в предисловии к посмертному сборнику ее статей Д. А. Анучин.

Только после смерти Александры Викторовны, героической смерти, подобной смерти Пржевальского, в русской печати стали появляться статьи, посвященные замечательной русской женщине. С удивлением писали. Что женщина, столько сделавшая для общества, для русской науки, ставшая гордостью русской географии, осталась для России совершенно неизвестной.

«Тяга на Восток»

«...чудное разнообразия племен и рас может нас только восхищать и заставлять верить в величие человеческих рас и блестящее будущее человечества».

Г. Н. Потанин

В 1874 году Потанин получает право уехать из ссылки. Куда? Для Потанина тут не было вопроса. Только в Петербург! Только там можно доучиться, если удастся, и только там существует единственное в России учреждение, где его знали, ценили, где могли помочь ему осуществить давнюю мечту: Русское географическое общество, в котором главенствующее положение занимал старый знакомый и доброжелатель – Петр Петрович Семенов.

Так начались знаменитые путешествия Григория Николаевича Потанина и его жены Александры Викторовны.

Пять путешествий, совершенных Потаниными, создали им имя больших ученых, глубоких исследователей народов Центральной Азии. Их книги переводились на другие языки, потанинские таблицы языков и говоров давали важнейший материал для географов, этнографов, лингвистов. Но самим Потаниным их путешествия не принесли ни материального достатка, ни успокоения.

Они уже были немолоды. А Потанину все казалось, что он еще недостаточно сделал для родной Сибири. Когда стало очевидно, что надо отдохнуть, набраться сил, обработать все материалы, Потанин решил поселиться в Иркутске. К этому времени Иркутск стал наиболее важным центром всей Сибири: административным и культурным. Григорий Николаевич становится «правителем дел» Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, то есть руководителем этого крупного центра русской географической науки.

В 1890 году Потанины переезжают из Иркутска в Петербург. Издание трудов прошлых экспедиций требовало присутствия Потанина в столице. Да и не оставляла мысль о новой экспедиции, которую можно было подготовить только в Петербурге...

На этот раз Потанин задумал осуществить то, что не удалось Пржевальскому: детально обследовать Тибет и побывать в его загадочной и недоступной столице. В 1892 году начинается последнее, шестое, путешествие Потаниных. В состав экспедиции включаются, как всегда, переводчик, зоолог и – впервые – геолог. Им был молодой ученый, будущий академик и глава русской геологической школы В. А. Обручев.

Началось путешествие с пограничного города Кяхты. Путь лежал через Монголию, пустыню Гоби к Пекину. Там надобно получить разрешение на дальнейшее следование экспедиции в Тибет.

Уже по дороге в Пекин стало ясно, что на этот раз Александра Викторовна переносит этот привычный путь с трудом... 13 сентября 1893 года Александра Викторовна Потанина умерла.

У Григория Николаевича оставалось теперь лишь одно желание, чтобы тело его друга и жены покоилось в русской земле. Только в январе 1894 года тело А. В. По-

таниной было предано земле в Кяхте. На похоронах присутствовал весь город, были закрыты школы и магазины, кяхтинцы понимали, какого человека они провожают в последний путь...

Потанин вернулся в Петербург, сразу же ставший для него пустым. Тщетно он старался подавить свою тоску, свое отчаяние. «Без Саши я потерял интерес и к жизни, и к науке», – говорил он.

Только через шесть лет, в 1899 году, он совершил короткое путешествие к Большому Хингану. Григорий Николаевич жил еще долго. Последние 10 лет прожил в давно полюбившемся ему городе – Томске.

Потанин был в Томске издателем и редактором многих изданий. Он добился открытия областного музея и Высших женских курсов, продолжал работать над своими воспоминаниями, ставшими замечательным литературным памятником эпохи. Но все это было уже не то, совсем не то... Умерла его «муза дальних странствий», и он чувствовал себя непривычно, неуютно в любимой Сибири, в уюте и комфорте большого города. Он одряхлел, почти ослеп. С палочкой в руках, ощупывая дорогу, шел по улицам Томска на свою лекцию, на собрание.

Григорий Николаевич страдал от невозможности работать, и потому нуждался в помощнике. Друзья уговорили его жениться на скромной поэтессе Марии Васильевой. Когда-то Потанин помог ей напечататься, но дальше дело у него не шло, и она так же нуждалась в опеке, которую мог дать ей маститый ученый. Два человека хорошо дополнили друг друга и счастливо дожили до кончины Потанина.

Потанин умер 30 июня 1920 года в возрасте 85 лет. Он считал, что его настоящая жизнь окончилась тогда, когда кончились его путешествия. Но настоящая жизнь потому и настоящая, что она продолжается и после физической смерти. Всегда в ряду великих русских путешественников будет стоять имя Григория Николаевича Потанина. И вместе с ним имя его верной спутницы жизни и путешествий – Александры Викторовны. Потанины – такими они остались в истории.

«Этнограф и фольклорист».

«...эта местность, где мы живем, настоящая родина человека... Рай Адама и Евы, я теперь уверен, находился в верховьях Иртыша...».

Г. Н. Потанин

До конца своей жизни Потанин сохранил трепетное отношение к Иртышу, на берегу которого он родился и вырос. В 1877 году во время путешествия в верховья Иртыша он пишет: «Здесь возник первый культ солнца. Реки здешние представлялись первым людям материнскими лонами, отцов они видели в горных вершинах».

Большую ценность представляют собранные Потаниным материалы по культуре, быту и народному творчеству многих тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии, а также тангутов, китайцев, дунган. Безусловно, многие труды ученого, написанные по мате-

риалам его путешествий, посвящены Монголии и Тибету. Однако несомненен тот факт, что в них содержится ценный и оригинальный материал о народах Российской империи, в частности, о казахах. Желание изучить историю казахского народа проявилось у Потанина еще в юношеском возрасте, в годы учебы в Омском кадетском корпусе, когда он подружился с Чоканом Валихановым. Их дружба продолжалась почти двадцать лет.

«Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки... Установлению правильных взглядов мешает наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива и несмелость мышления, порабощенного рутинными взглядами и рутинными верованиями», – таким было основное кредо Григория Николаевича Потанина в науке, отмечает видный ученый-историк Жамбыл Омарович Артыкбаев.

По мере того, как материал, собранный Потаниным, разрастался, он высказывался решительнее. Начиная с 90-х годов XIX века, Григорий Николаевич в ряде статей, печатавшихся преимущественно в «Этнографическом обозрении», настойчиво проводил мысль о значении тюрко-монгольских народов для истории эпоса. Он считал, что центрально-азиатские народы сыграли большую роль в распространении эпоса с Востока на Запад. Таким образом, буддийские легенды, вошедшие в христианство и превратившиеся в апокрифы, «путешествовали» на Запад не одним только южным путем. Потанин допускал и другой путь – по северной стороне Каспийского моря, то есть путь переселения кочевников Центральной Азии в степи Северного Причерноморья. Кочевники Центральной Азии, двигавшиеся в южную и восточную Россию, распространяли всюду центрально-азиатский эпос. Так, устанавливается сходство между эпосом Карла и эпосом Чингиз-хана, между сказаниями о Гэсэре с «Илиадой» и «Одиссеей»... Большой интерес представляет крупное исследование Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе». В одном же из последних своих трудов «Сага о Соломоне» он настаивает на центрально-азиатском происхождении преданий о Соломоне. Здесь Григорий Николаевич доказывает, что Соломон – только западное произношение имени Цолмон. В основе, стало быть, лежит североазиатский эпос о звезде Цолмон.

«Печальник казахов».

«Мы называли Г. Н. Потанина «печальником казахов». Ведь Потанин давно и постоянно проявлял интерес к инородцам, знал их быт, нравы и всячески способствовал сохранению самобытной культуры».

А. Ермаков, один из лидеров «Алаш»

«В то время, как аристократ Толстой в мятежных исканиях... метался в железной клетке мишурной роскоши, тщетно пытаясь опроститься, – скромный, никем не прославляемый, простой и неизменно кроткий, всегда нуждающийся сибиряк шел прямо по своей демократической и тернистой дороге к единой светлой истине – ко благу своей родины», – пишет о Потанине Георгий Гребенщиков.

Свободно владея казахским языком, Потанин много сил отдал исследованиям национальной культуры казахов. Им произведены записи бытовых казахских сказок и легенд, поэзии, в частности, стихов Бухар-жырау. Он был своим человеком в любом ауле. В Каркаралинске, где Потанин останавливался в доме богатого купца Рязанцева, до сих пор висит мемориальная доска в память об этом визите.

Эпистолярное наследие Г. Н. Потанина до недавнего времени было известно мало. Но в 70-х годах прошлого столетия Иркутский университет издал том писем нашего земляка, охватывающий период с 1859 по 1874 год. «Эти письма молодого Потанина читаются с захватывающим интересом, – отмечает П. П. Косенко в другой своей работе – «Вчера. Сегодня... Завтра?». – Можно сказать, что в них передовой представитель замечательной эпохи шестидесятых годов XIX века создает свой автопортрет, в котором выражены многие типические черты его времени».

«Г. Н. Потанин пользовался огромным авторитетом среди казахов и, в особенности, среди молодых интеллигентов начала XX века, – пишет Жамбыл Омарович Артыкбаев в своей монографии «Среднее Прииртышье в контексте проблем истории Евразийских степей: этноисторический и этноархеологический опыт исследования», – В казахской степи ходили легенды об этом человеке. К нему часто приезжали А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, С. Торайгыров и многие другие яркие представители национально-освободительного движения «Алаш»».

После встреч с молодым Магжаном Жумабаевым Потанин сравнил его с Чоканом, считал, что юноша в будущем станет вторым Чоканом.

«А по исследованию природы ... он сделал гораздо больше, чем Пржевальский».

/ В. А. Обручев /

Ради чего тратил силы и средства, рискуя своей жизнью и жизнью близких, Григорий Николаевич Потанин? Жизнь Потанина была посвящена такой, казалось бы, далекой от насущных потребностей науке, как этнография. Изучение происхождения, языка, быта, духовной жизни народа, часто далеко отстоящего от нас и по расстоянию, и по каким бы то ни было родственным связям. Но Потанин и его жена доказали, что многие азиатские народы, которые веками в определенных кругах имели репутацию диких и примитивных, в действительности обладают многовековой историей, высокой культурой, что они имеют право на уважение к своей культуре, к ее самобытности не меньше, нежели европейские народы. И разве такая деятельность не влияла на ход истории, на взаимоотношения различных народов друг с другом?

Таковыми людьми, как семья Потаниных, творится история. И о них всегда будут помнить с уважением, восхищением и благодарностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алейник В. Уголок первозданной природы // Заря. – 2007. – 24 марта. – С.3.
2. Артыкбаев Ж. О. Среднее Прииртышье: в контексте проблем истории Евразийских степей. – Павлодар, 2007.
3. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – т.5.
4. Герасимов Б. Г. Избранные труды. – Усть-Каменогорск, 2000.
5. Гребенщиков Г. Большой сибирский дедушка // Семь дней. – 2003. – 21 февр. – С.8.
6. Гребенщиков Г. Степные узоры. – Усть-Каменогорск, 2006.
7. Жуков П. Улица, которой нет // Спектр. – 2006. – 25 мая. – С.7.
8. Исаханова К. С. Развитие просвещения в Казахстане в период конца XIX в. – первой трети XX в. (на примере Прииртышья). – Караганды, 2004.
9. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. – Алма-Ата, 1972.
10. Кобенова К. С. Вклад русских ученых-фольклористов XIX в. (В. В. Радлова, Г. Н. Потанина) в собрание, изучение, издание казахского фольклора // Вестник КазГУ. Сер. Филологическая. – 1999. – №32. – С. 100-103.
11. Косенко П. Вчера. Сегодня... Завтра?: дневник критика. – Алма-Ата, 1983.
12. Косенко П. Скрещение судеб: историческая хроника. – Алма-Ата, 1981.
13. Косенко П. Скрещение судеб: историческая хроника и биографические повести. – Алма-Ата, 1985.
14. Лухтанов А. Г. Алтайское притяжение. – Усть-Каменогорск, 2006.
15. Лухтанов А. Г. Исследователи казахстанского Алтая // Нива. – 2006. – №2. – С. 134-145; №3. – С. 169-191.
16. Лухтанов А. Г. Исследователи казахстанского Алтая // Семь дней. – 2002. – 19 июля. – С.8.
17. Потанин Г. Н. Исследования и материалы. – Алматы, 2006.
18. Разгон Л. Семь жизней: рассказы. – М., 1992.
19. Таргынский К. По 101-му меридиану: об исследователе Григории Потанине // Семь дней. – 2010. – 18 марта. – С.9.
20. Шахимарден (Шахимарден Кусаинов) Биографии исторических личностей Казахстана XIV – XIX веков: хроника, факты, легенды. – Алматы, 2001.